

Глава №3

Себ похож на отца в обновленной версии того непоколебимого идеализма.

Себ заставляет меня лучше чувствовать перспективы человечества перед лицом сегодняшних поляризованных политических и социальных расколов.

В этом и заключается смысл жизни. Выяснение.

И мне интересно, что еще я узнаю в эти выходные с Себом. Не о нем. Обо мне.

Мы дома.

Себ в ванной. Как обычно, он оставляет дверь открытой. Сбрасывает шорты. Сбрасывает их ногой. Он сдерживает себя, чтобы не помочиться.

Я беру стакан воды из кухни. Выхожу в гостиную. Себ голый, спиной ко мне, стоит у своей кровати и смотрит в окно.

Мы сидим лицом друг к другу на диване. Мы вспоминаем дневную прогулку. Очаровательный Кхун Киттибун. Его музыкальный английский. Тайская кухня. Искусство Джорджии О'Киф.

Себ немного шевелится, кладет голову мне на колени. Я кладу руку на его светловолосую грудь. Мои пальцы дрейфуют, чтобы нежно поиграть с его сосками, пока мы продолжаем разговор. Его член лежит на животе в каком-то неопределенном полупоклоне. Его яички, хромые яйца в состоянии покоя.

Уже темнеет. Я встаю и включаю настольную лампу. Теплый желтый свет.

"После тайского пира давайте устроим легкий ужин. Пиво или вино?"

"Все, что у тебя есть".

"Совиньон Блан. Точнее, Sancerre".

Я возвращаюсь с бутербродами и вином. Он листает каталог фильмов на широкоформатном экране.

Глава 4

Кино

"Мам, как насчет эротического драматического триллера в стиле whodunnit. Но никто не умрет".

"Как называется?"

"La mère".

"А?"

"Французское. Мать. Я выбрал французское в знак уважения к вашему Сансеру. И название фильма в знак уважения к вам".

"А что насчет матери?"

"Понятия не имею. Я выбрал его, потому что постер фильма выглядит захватывающе. Давайте просто посмотрим его. Пусть фильм расскажет и покажет. Очарование заключается в незнании".

Мари, которой было около 20 лет, жила в своем отдаленном прибрежном родовом доме в Бретани, где она выросла. Она регулярно бегала трусцой вдоль пляжа в ночной тишине, сразу после полуночи, наслаждаясь одиночеством и ветром под крыльями.

Однажды ночью на Мари напал неизвестный, который появился из тени, завязал ей глаза и изнасиловал. У молчаливого нападавшего был уникальный, особенный способ секса, смешивающий нежность и дикость в головокружительных циклах, сбивающий с толку ее чувства, оставляющий ее в облаке восторженного отвращения.

Этот опыт излечил ее разум. Несмотря на то, что ей завязали глаза, она могла живо вспомнить каждое движение, судорогу, толчок, каждый вздох, ощущение, эмоции, как будто это произошло вчера.

Преступник потянул Мари с завязанными глазами вверх. Затем он прижал ее спиной к прохладной влажной стене скалы. Он схватил ее за запястья. Вытянул ее руки так, что она оказалась в позе распятия. Это заставило ее спелые груди непристойно торчать. Он прижал ее к земле. Она была фактически пригвождена. Странно, но он использовал свои колени, чтобы заставить ее бедра плотно сомкнуться.

Она выглядела изнасилованной. И в то же время божественной. Была ли это своего рода подсознательная глубокая, темная, религиозная символика преступника, оживляющая его самого?

Все еще держа ее запястья, он сильно надавил на слияние верхней части бедер и бугра.

Удар.

Удар.

Колоть.

Мари хныкала.

Он страстно впился языком в ее рот, наваливаясь на нее стоя. Мари инстинктивно сжала бедра, чтобы остановить его продвижение. Но это только подстегнуло его, и он стал бить сильнее, чтобы прорвать ее плотные бедра. Его темп усилился, словно подстегиваемый ее сопротивлением.

Мари почувствовала, что наступает усталость. Она слегка разжала сжатые бедра, чтобы снять напряжение с сухожилий. Преступник почувствовал слабость. Он задвигался сильнее. Этот цикл продолжался некоторое время.

Сжать, отпустить.

Сжать, отпустить.

Сжать, отпустить.

Она чувствовала, как преступник наливается силой. Она читала знаки. Она знала мужскую уязвимость, которая сопровождает эти признаки. Его хватка на ее запястьях немного ослабла. Она резко отстранилась от него.

Что произошло дальше, было неясно. Заставил ли преступник Мари опуститься в классическую миссионерскую позу лежа? Или она перешла в эту позу по собственной воле?

При его первом ударе она выгнулась, инстинктивно поднимая нижнюю часть туловища еще выше. Его руки обхватили ее колени, толкая и скрежеща, его член совершал движения внутри нее. Его первые десять размеренных ударов привели к очередному сокращению. Она продолжала сильнее прижиматься к его ударам.

Преступник начал толкаться в Мари сильнее и глубже, скрежетать быстрее, пытаясь инициировать длинные удары, одновременно критически предупреждая ее своей крепкой хваткой на ее коленях, что он уже близко.

Она вжалась в него, обхватив его ногами, поворачивая и разминая нижнюю часть туловища, чтобы заблокировать его буйство, как бы пытаясь ограничить диапазон его движений.

Она ничего не могла поделать. Это было слишком сильно. Она достигла кульминации.

Он почувствовал радостный толчок лавы спермы. Он был зажат. Он не мог вырваться. Он выстреливал снова и снова глубоко внутри, пытаясь вырваться. Но она захлопнула его, словно желая выдоить все до последней капли. Он был несколько поражен запасом прочности и ответной агрессией своей жертвы. Когда она, наконец, почувствовала, что он сделал последний залп, она разжала тиски на ногах.

Он вышел. Нежное прикосновение к ее бугру.

Мари не снимала повязку с глаз, но каким-то образом знала, что она снова одна. Оставлена на произвол судьбы.

По какой-то необъяснимой причине Мари не заявила об изнасиловании. Как будто она хотела сохранить опыт насилия в ампуле, спрятать его в коробке из-под обуви без этикетки под расшатанной половицей на чердаке. Она никому не рассказывала. Ни своей семье. Ни своему розовому дневнику. Ни своему будущему мужу. Никому.

Полиции не составило бы труда вычислить преступника, учитывая, что это был малонаселенный район с низкой проходимостью людей. Боялась ли Мари, что преступником может оказаться кто-то из ее знакомых?

Через год после этого случая Мари вернулась к бегу. Каждая пробежка была более захватывающей, чем предыдущая. В первой половине пробежки она убегала от опасности. Во второй половине - навстречу опасности. После каждой пробежки она обливалась потом еще больше, как будто преодолевала муссон, бушующий в противоположном направлении.

Она выиграла олимпийское золото на дистанции 1 500 метров за рекордное время.

Перемотка вперед...

Мари вышла замуж. Родила сына Жюля. Она унаследовала родовой дом. Они жили в нем.

Занятый, занятой, занятой муж не проявлял особого интереса к тому, чтобы разделить ее жизненные интересы, такие как оздоровительный бег. Мари, которой сейчас 55 лет, сблизилась со своим 25-летним сыном. Они наслаждались бегом. Бегать по одному и тому же побережью.

Были места, которые Мари помнила всю свою жизнь. Хотя некоторые изменились. Некоторые навсегда, но не в лучшую сторону. Некоторые ушли, некоторые остались. У всех этих мест были свои моменты. Для Мари это побережье было неподвластно времени.

Жюль все больше привязывался к своей матери. Они встречались, сначала невинно, но постепенно становились все более близкими. Их ночные прогулки были их личным временем. У них был свой уголок вселенной.

Однажды вечером Жюль написал матери сообщение. Он задержался на работе. Она должна была начать свою пробежку. Он, бегун со стажем, должен был догнать ее у скалы, которую они окрестили Ла Боссе - "горб" по-английски, потому что она выглядела именно так.

По позвоночнику Мари пробежала дрожь. Именно здесь это произошло 30 лет назад.

Мари почувствовала, как то же самое затаенное чувство снова преследует ее. То, чего ей так не хватало, когда она бегала с Жюлем. Тревога, страх, ожидание, уязвимость, волнение. Сбивчивое рагу. Это не поддавалось идентификации. Если предположить, что насильник был ее ровесником, в 55 лет, он все еще мог представлять явную и реальную опасность.

Она замедлила шаг, приближаясь к Ла Боссе. Мертвая тишина. Она позвала Жюля. Ничего.

А потом все повторилось снова. Каждое движение, судорога, толчок, вздох, ощущение, эмоция. Точное повторение.

Лежа измученная и немного болезненная, Мари почувствовала, как вежливые пальцы закрывают ее лепестки, как 30 лет назад, а затем снимают повязку.

Жюль! Что? Как это может быть? Ни одна душа не знала. Жюль еще даже не родился. Это было ее богатое воображение? Это был жестокий сон?

Она закрыла глаза и снова открыла их, словно для того, чтобы перезагрузить реальность. Жюль.

Она вопросительно посмотрела на Жюля. Фильм закончился.

"Вау, Себ! Я этого не ожидал."

"Я тоже".

"Ты же любитель высококлассных фильмов. Что ты думаешь об этом?"

Себ мудро: "Французы умеют оставлять нас в подвешенном состоянии. Что-то восхитительно отталкивающее в балансе. Полуразвязанный узел здесь. Неразрешенная тоска там."

Прикосновение тоски. Такие очаровательно раздражающие вещи. Французы издеваются над нами, мрачными англосами, и посмеиваются над нами".

"Хмм... да. Они играют на нашей англоязычной психике. У нас бинарное мышление, все по порядку, победа/поражение. Они - континуум. Мы - материальное, объективное, аналитическое, единство, сингулярность, теория всего. Они наслаждаются абстракцией, разнообразием, сложностью, эмоциями. Отсюда аналитическая философия против континентальной философии".

"О кино. Мы - народ, ищущий развлечений, что не обязательно то же самое, что поиск удовольствий. Европейцы - настоящие искатели удовольствий".

"Я не являюсь особым поклонником Маргарет Тэтчер. Но вот что старушка сказала о Европе, что перекликается с тем, что мы только что обсуждали. Я думаю, мы слишком романтизируем абстракцию Европы".

"Мэгги сказала: Европа в любом другом, кроме географического, смысле - это полностью искусственная конструкция. Совершенно бессмысленно объединять Бетховена и Дебюсси, Вольтера и Берка, Вермеера и Пикассо, Нотр-Дам и собор Святого Павла, вареную говядину и буйабес, и представлять их как элементы европейской музыкальной, философской, художественной, архитектурной или гастрономической реальности. Если Европа очаровывает нас, как она часто очаровывала меня, то именно благодаря своим контрастам и противоречиям, а не связности и непрерывности".

<http://erolate.com/book/2926/69947>